

Дискуссии. Полемика

© 2003 г.

Н. В. РОМАНОВСКИЙ, Н. С. ТОНКОВА

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОСТИ (по страницам журнала "International Sociology")

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович - зам. главного редактора журнала "Социологические исследования". ТОНКОВА Наталья Сергеевна - студентка Московского государственного лингвистического университета, отделение политологии.

Журнал "Социологические исследования", рассматривая опыт мировой социологии, не раз обращался к публикациям журнала Международной социологической ассоциации "Международная социология" (International Sociology), привлекая внимание читателей к обсуждаемым зарубежными коллегами ключевым проблемам науки и современного мира - глобализации, модернизации, цивилизации. Мы писали, в частности, о самой крупной социальной теории современности, - теории модернизации, модерна (modernity - оба термина употребляются ниже в смысле описываемой теорией модернизации *современности*) и постмодерна, которые обрели сегодня целый шлейф концепций, пытающихся интерпретировать проблемы и перспективы человечества. Напомним, что в серии статей о переменах в Восточной Европе за десять лет после 1989 г. (см. рубрику нашего журнала "У нас в гостях - европейские социологи" в №№ 5-10 за 2002 г.) концепция трансформации выстраивалась на теории модернизации. Неудачи, трудности этих перемен некоторые авторы в большей или меньшей мере связывали с дефектностью самой теории модернизации.

Очевидно, и это отражается в общей массе публикаций в "International Sociology" за последние годы, - в завершении XX века в мире вместо "конца истории" обозначается конец европоцентризма, внимание сосредоточивается на терроре, насилии, на что не может не отзываться международное сообщество социологов. Таков в целом и повод для нашего реферативного обзора некоторых публикаций названного журнала. В терминах западной социологии в текстах, реферируемых ниже, речь идет о модерне (modernity) и его перспективах, тенденции войн и насилия в современном (modern) мире, современных подходов к проблемам варварства и цивилизации.

Азиз Аль-Азмех - профессор Американского университета в Бейруте, специализирующийся в области исламских исследований, констатирует широко распространившееся разочарование в цивилизации [1]. Дерегулируемые Европа и США возвращаются в ментальный мир консерватизма и правых, напоминая канун второй мировой войны и то, что вызвало эту войну. На место гуманизма пришли иные концепции, пишет он. Следует говорить о приоритете реакционного в современной Европе.

На теоретическом уровне эту ситуацию отражает постмодернизм. Постмодернизм по причине провозглашенного им антифундаментализма - величайшее безрассудство, считает автор. Приверженцы постмодерна, в понимании Аль-Азмеха, полагают, что суждения о внутреннем и внешнем проявлениях варварства аморфны. И те, и другие - предмет изучения пессимистической антропологии, лежащей вне рамок истории. Эта антропология рассматривает человеческие сообщества как объект, управляемый или естественным ходом истории, а не человеком, или фатализмом, а не историцизмом. Вопреки провозглашенному его сторонниками антифундаментализму постмодерн, в сущности, иррациональный нарратив. Нам опять говорят о том, что при-

митивные люди по-своему счастливы, вновь звучат темы ностальгии по прошлому, апология простоты, что вполне напоминает девиз тургеневского Базарова: вивисекцию лягушек считать самым главным делом своей жизни.

Приводит автор ряд других аргументов, прослеживающих тему варварства и реакции от древности до времен модерна и постмодерна. Он обращает внимание на элементарную неосведомленность ряда сторонников таких взглядов, например, совершенно некорректное превращение ими принципиально детерминистской теории хаоса, как ее формулирует физическая наука, в недетерминистскую теорию, казалось бы, такого же хаоса в обществе.

В ментальной культуре модерна Аль-Азмех выделяет историцизм и сциентизм как две предпосылки модерна, а также столкновение в процессе становления и упрочения Просвещения (ему теория модернизации отводит роль отправной точки) рационализма и антирационализма. Описываемая болезнь времени, в котором мы живем, полагает ученый, фактически восходит к самым истокам Просвещения. И здесь выдвинут центральный тезис статьи о *"пессимистической антропологии"*, якобы изначально демонстрируемой эпохой Просвещения, если не Ренессанса. Даже в пору победоносного марша Просвещения была весьма заметной сильная тяга к до-Просвещению, считает Аль-Азмех: мифологизация нации, национальной культуры, народа, иррационализм, увлечение народным духом. Выражением этой тенденции в начале XIX в. стали романтизм и культур-пессимизм. Среди носителей такой тенденции названы Дж. Фрезер, Ф. Ницше, Ф.М. Достоевский, Г. Ле Бон с его "толпой" ["толпа всегда служила метафорой для обозначения экзотического варварского простолюдина", - считает Аль-Азмех (с. 82)] и З. Фрейд. По Фрейду цивилизация - это защита от звериного в человеке. В цивилизованной нации он считал нужным видеть всегда две нации, представителей одной из них можно считать варварами. Аналогичные мысли встречаются не только у европейских авторов, пишет Аль-Азмех, но и у Ибн-Халдуна (с. 83): всегда под поверхностью цивилизации и культуры скрыта бурлящая масса варварства. Церкви не удалось снять это неразрешимое противоречие. Из подобного видения масс проистекает вера (включая и веру нынешних фундаменталистов) в необходимость небольшого ядра вождей, способных повести за собой всех остальных. Эти аспекты находили выражение и в трудах Г. Спенсера, породив разочарование в цивилизации. В целом в указанной проблематике автор усматривает истоки двух мировых войн - выбросов насилия и реального варварства.

В период после 1945 г., полагает ливанский ученый, на первый план вышел энтузиазм, порожденный кажущейся возможностью нового мира, мира без варварства. Всеобщая занятость, государственная социальная защита, кейнсианство, Новый курс Ф.Д. Рузвельта, Великое общество Л. Джонсона и идея позитивной дискриминации в совокупности сформировали курс на социализацию и возвышение обычного человека, на его деварваризацию. Казалось, наступила великая эра третьего мира: ООН, ЮНЕСКО, национальная независимость и невмешательство, крупные программы социального и экономического развития представляли собой дискурс всеобщей деварваризации, ассимиляции "чужих".

Так продолжалось до 1980-х годов, когда уход с исторической арены СССР ознаменовал торжество "естественного" рынка, исчезновение идеи социального и экономического развития Юга. Реструктуризация ради приспособления к рынку открыла ворота маргинализму. На Западе стали расти национализм, экстремизм, воинствующий расизм. Автор констатирует поворот к расизму в культуре: "современный момент отмечен культуралистским поворотом, который тотализует социальное нутро, основанное на образе мысли об обществе и культуре, описывающем себя как постмодернистский, и который сублимировал расы до понятия культуры и специфики" (с. 86). Выходят на поверхность течения, напоминающие канун второй мировой войны. На новом этапе эстафету превращения социальных аутсайдеров в варваров принял либерализм. Либеральная экономика и свободный рынок рассматриваются в качестве средств, которые хоть в какой-нибудь степени заставят исчезнуть новый вид варварства или сделают его незаметным. Однако реальная практика со всей очевидностью демонстрирует лишь усугубление социально-экономических условий его (варварства) возникновения. Все делается в условиях и во имя рынка, как якобы естественного и желательного состояния человечества. Безработица, разделение рынка труда, географическое и другие проявления неравенства неотрывно следуют за этой новой идеологией. Параллельно с этим на Западе возрождаются экстремистский национализм и воинствующий расизм, оживляется классический репертуар романтиков, консерваторов, виталистов с их концепциями общества и истории.

XX век вообще не очень пишется в понятие цивилизации, полагает Аль-Азмех (с. 87). Варварство внутри и вовне "цивилизованного" мира говорит об атрофии Просвещения. В качестве примеров он называет вытеснение книги культурой устной коммуникации, увлечение сти-

лем ретро, теориями заговоров, террористами, изгоями, подобно тому, как когда-то во всем видели сарацин и евреев. Происходит реварваризация чужаков - главным образом выходцев с юга. Южанин превращен в воина примитивного племени, в иммигранта, беженца, нелегального мигранта (с. 90). Такой культуралистский поворот ослепляет интеллигенцию, создавая возможность и предпосылки поворота к использованию силы со всеми последствиями.

Отвечает на страницах журнала Аль-Азмеху канадский социолог Иван Варга [2]. Одним и тем же данным, пишет он, можно дать и иную концептуальную интерпретацию. Реакционные, иррациональные идеи преобладают в Европе, а постмодерн вообще равнозначен триумфу иррационализма, повторяет Варга основной тезис оппонента. Дело все же в том, пишет он, что все это область идей. Но вопрос в том, прибегают ли Европа и США к этим идеям, практикам и политическим системам? По мнению канадского ученого, нет. И в целом динамика процессов после второй мировой войны имеет иной вектор, нежели накануне первой мировой войны и между двумя мировыми войнами. Считая, что оценки Аль-Азмеха мотивированы определенным пониманием природы и характера буржуазии (своекорыстные, нажива), Варга полагает, что буржуазия перестала быть решающей силой. Кроме того, он выдвигает эпистемологический аргумент: процессы, отмеченные оппонентом, относительно. Возможно развитие событий в ином, нежели у него, направлении.

Говорить о "пессимистической антропологии", на которой основывали свое представление о государстве арабские философы, а затем и Гоббс, по мнению Варги, не вполне справедливо; трактовка позиции Гоббса, в частности, не совсем верна. В трактате "О гражданине", нацеленном на предотвращение гражданской войны, он пытался открыть закон ее возникновения и находил причину войн в так называемой индивидуалистической антропологии. В "Левиафане" Гоббс утверждал, что у государства двоякая задача: с одной стороны, оно создает условия существования общества, с другой, регулирует и даже ограничивает его. То есть, Варга считает неудачной оценку гоббсовской антропологии как пессимистической. Скорее в случае Гоббса имел место рациональный переход от предыдущего - религиозного представления о сущности природы человека, считает он.

Варга согласен с наблюдением Аль-Азмеха об "определенной атрофии идеалов Просвещения". Просвещение было достаточно противоречивым, однако оно значимо повлияло на современную европейскую мысль. Установился конституционный строй, при этом, породив национализм и войны; образовательные учреждения стали делиться на элитные и массовые. Целью процессов, порожденных Просвещением, стало не облагораживание населения, а удовлетворение потребностей промышленности в образованной рабочей силе. В то же время система образования строилась так, что учащиеся из разных социальных слоев получали ту долю знаний, которая с необходимостью сохраняла деление общества на классы. Одним из последствий такого деления стало появление культуры для "верхов" и "низов". Кроме того, все это привело к снижению уровня грамотности, общественной ценности высшего образования и прочим негативным последствиям в сфере просвещения.

Возвращаясь к проблеме сущности модерна ("modernity"), Варга отмечает множество интерпретаций этой категории. Однако он выделяет то обстоятельство, что преобладает в этих оценках вера в рост рациональности. В этом плане он и полемизирует против тезиса Аль-Азмеха о "пессимистической антропологии", якобы присущей "модернити". В рамках своей позиции он рассуждает о месте дихотомии рационализм/иррационализм в современной европейской науке, привлекая аргументы, связанные, в частности, с творчеством А. Бергсона и З. Фрейда. В противовес последним автор ведет речь и о гегемонии по Грамши, при возможной реализации идей которого, считает автор, происходит интернализация (буквально - принятие внутрь) оппозиции, что делает невозможными революцию и протестные движения. Варга и в дальнейших суждениях склонен относить реальные проявления иррационализма ко времени господства буржуазии в ее империалистической стадии, приведшей к нацизму. В этой связи им затронута также проблема наций и национального. Поскольку данные понятия скорее культурные конструкции, пишет он, часто в соответствующих целях действительно используются мифы, "реинтерпретируемые в интересах элит" (с. 102).

Разбирая аргументацию Аль-Азмеха по поводу современных варваров и варварства, Варга отметил многозначность содержания этих терминов. Он предпочитает вариант Г. Зиммеля, сводящий варвара к "чужому", "чужаку" и превращающий, таким образом, ситуацию вероятного конфликта в проблему интеракции. По существу это проблема отношения и обращения с другими культурами, обычаями, привычками, продолжает он. Ксенофобия не ограничена рамками Европы, да и факторы, которые ее сохраняют и поддерживают, считает И. Варга, шире, нежели приводимые А. Аль-Азмехом. Пропась между "Мы" и "Они" (проблема "чужака") сущест-

ует. Но существует и проблема интеграции, и здесь, по мнению канадского ученого, ключ на практике найден - учет и ассимиляция интересов меньшинств.

Проблема "чужака" и его восприятия обществом - одна из наиболее сложных в социологии, антропологии и социальной психологии. На протяжении всей истории человечества существует деление народов на "своих" и "чужих". Интеграция частей в целое - сложный процесс не только потому, что всегда есть политические силы, манипулирующие общественным сознанием, но также потому, что всякий считающий себя естественной частью нации или лингвистического сообщества склонен рассматривать "чужака" как "врага". Варга согласен с Аль-Азмехом, что интеграция частей в целое постепенно осуществляется. Он также желал бы, чтобы она осуществилась, но считает, что для этого требуется достигнуть согласия меньшинств.

Обратившись к сокрушительной атаке оппонента на постмодерн, Варга, естественно, выдвинул свои контраргументы. Постмодерн, по его мнению, это избыток и одновременно кризис модерна. Частично постмодерн - это трансформации в *modus operandi* (образ действия, способ функционирования) капитализма. Привычка к устойчивым схемам мешает нам понять сложившееся положение, считает он. Постмодерн - не этап. Это переход от модерна к чему-то новому. И социологии следует подходить к собственной проблематике в этих условиях с позиций фундамента своей эпистемологии - позитивизма. Постмодерн, утверждает канадский ученый, не исключает нахождения позитивных решений многих острых проблем нашего времени.

Подобного плана публикации печатаются в журнале "International Sociology" нередко. В этой связи мы нашли нужным обратиться еще к одной из наиболее интересных дискуссий, посвященной характерным чертам эпохи модерна. Обсуждалась связь современной эпохи (modernity) с войной и насилием. В дискуссии участвовали Ганс Йоас, профессор Свободного университета в Западном Берлине, Эдвард Тирикьян, профессор Дьюкского (Duke) университета в США, штат Сев. Каролина, и социолог, доктор философии Ян Роксборо из одного из университетов (Стони Брукс) штата Нью-Йорк, США.

Г. Йоас [3] в качестве отправного пункта избрал тезис о двойственном положении теории модернизации как инструмента понимания социальных процессов последнего времени. С одной стороны, крах реального социализма придал новый жизненный импульс этой теории, с другой экологические проблемы, появление теории рефлексивной модернизации А. Гидденса и общества риска У. Бека породили новый раунд полемики вокруг этой теории. Добавим, что итоги перемен в Восточной Европе и СНГ (см. упомянутые выше публикации 2002 г. в нашем журнале) рассматриваются через призму достоинств и провалов этой теории.

Теория модернизации, с самого начала, подчеркивает Г. Йоас, содержит внутренние недостатки, дефекты. Фоном создания этой теории служили в свое время функционалистское теоретизирование, теория дифференциации (в частности, Т. Парсонс и Р. Мертон). И по поводу этих теоретических основ также не раз возникали серьезные сомнения, напоминает немецкий социолог.

Ганс Йоас подчеркивает, что войны и насилие неременная составная часть не только генезиса, но и самого модерна. К сожалению, этот момент недостаточно учитывается современной социологией, частично потому что его заслонили события и процессы другого рода. В результате теория модернизации в своем классически либеральном варианте оказалась недостаточно адекватной реалиям современности: "теория модернизации, прежде всего, более или менее открыто полагает мирную современность" (с. 459), "все еще держится за мечту о современном веке без насилия" (с. 460). Поясняет автор этот факт следующим образом: "решительное отрицание насилия ведет к известной его недооценке" либеральными создателями и приверженцами теории модернизации (там же). Такую традицию оценки модерна автор прослеживает от начала XX века, когда еще Торстен Веблен объяснял агрессивность Германии ее недостаточной модернизацией, считая Германию особым случаем - немецкий Sonderweg (с. 461). Такой подход позволял не подвергать сомнению все остальные послышки о цивилизационном характере модернизации.

Между тем, установлена связь модернизации, войн и революций. Более историчный социолог Рейнхард Бендикс утверждал: лишь первопроходцы модернизации имели возможность избежать влияний извне. Многим же странам пришлось познать военные поражения, прежде чем их элиты поняли необходимость модернизации и приступили к ее осуществлению, - часто форсированными методами (Германия, Франция, Дания, Япония, Русская и Оттоманская империи и др.).

Война в истории модернизации сыграла еще одну роль, а именно: придавала импульс оборонительной модернизации. Те страны, которые, не успев модернизироваться, оказались в состоянии войны, часто доходили до состояния глубокого кризиса, с которым они не могли совладать. Русские революции в XX в., частично англо-французское соперничество как фактор французской революции XVII в., - примеры такого рода, пишет немецкий социолог. Однако, по его сло-

вам, модернизация в интересах обороны осуществляется часто средствами, резко отличавшимися от тех, которыми пользовались соперники-первопроходцы. Отсюда и иные результаты - предельная централизация государственной власти, тотальное разрушение традиционных социальных структур. Такого же рода противоречие возникло и в результате недавней антикоммунистической революции. Сможет ли Россия после краха советской модели модернизации догнать модернизированные страны или снова возникнет положение, из которого 80 лет назад возникли революционные силы, попытавшиеся выйти за пределы оборонительной модернизации? - задает вопрос Йоас. Иными словами, в итоге у него не возникают сомнения, что новые социальные уклады появились, в частности, в результате модернизационных кризисов и войн.

Развивая тезис о связи войн с модернизацией, автор пишет и о том, что войны нередко меняли облик того, что со временем стали называть "современностью" (modernity). Войны ставили страны в положение, когда приходилось отчаянно искать иные пути. Эти поиски приводили к крупнейшим культурным переменам в истории Европы. В частности, в Италии фашизм возник из духа войны; Муссолини считал войну революцией и стремился сначала организовать, а затем и институционализировать постоянный военизированный режим; его партия создавалась по образцу боевых групп (с. 464). Характерным находит Йоас и замечание Ральфа Дарендорфа о некой модернизационной функции нацизма. Советский коммунизм тоже был попыткой на путях диктатуры догонять современность. То есть, история вполне могла сложиться в случае торжества советского, итальянского или немецкого вариантов так, что и теория модернизации формулировалась бы по-иному. Современный модерн в этом свете - исторический случай. В последние годы, замечает Йоас, в трудах британских социологов М. Манна, Дж. Холла и А. Гидденса этот подход находит важное для социологии продолжение: явление модерна рассматривается как стечение обстоятельств, хотя и не уникальное, неповторимое.

Автор еще раз суммирует свои утверждения. Для переплетения культурных, экономических, политических и военных процессов (ставших лоном рождения *модернити*) революция 1560-1660 гг. в военном деле и вооружениях, история войн и гражданских войн сыграли ключевую роль, что социология игнорирует. Эти войны сформировали суть *модернити*, подчеркивает он, какой она известна нам. Становление современности следует рассматривать в виде ряда вариантов, один из которых одержал в итоге верх. В какой-то мере нынешний подход к модернизации - следствие картезианского стремления к точности. Но важна не масса деталей, а уяснение связей всех комплексов этих деталей. Такой подход важен не для исторической социологии, а для нашего понимания *модернити* и для соответствующих необходимых подвижек, перемен в теории модернизации. Это не значит, продолжает Г. Йоас, что я приветствую возможность войны или поиск типа войн, которые следует одобрять ссылками на модернизацию; я хотел лишь пробудить сомнения по поводу причинной связи *модернити* с уменьшением вероятности войн.

Вопрос для автора заключается в определении связей современности (*модернити*) с тенденциями в сфере войн. Автор по этому поводу заключает: 1. Неправоммерно считать модернизацию однородным целым культурно, экономически, политически. Между различными измерениями модернизации могут быть различные соотношения и существенные расхождения. Перед нами множественная современность, разные пути к ней и разное развитие *модернити* - это предмет для изучения сравнительной исторической социологии. 2. Возрастает необходимость подчеркивать нормативный характер теории модернизации. Нельзя говорить об исторической неизбежности, в частности демократизации, опираясь на функциональный анализ. Нужно четко понимать, почему мы сделали демократию мерилем прогресса, отнюдь не гарантированного историей. В этом плане наивно верить в прочность фундамента *модернити*. 3. Сочетания обстоятельств международного плана оказывают сильнейшее влияние на процессы модернизации. Социологам не следует ограничиваться эндогенными факторами. Такие ограничения, по словам Йоаса, врожденный дефект социологии, и он может оказаться фатальным для социологии, для ее престижа и достоверности. В этой связи автор делает замечание, относящееся к современному Китаю (с. 471). Теория модернизации породила оптимистические прогнозы неизбежной демократизации этой страны. В свете моего подхода ситуация выглядит по-иному. Военное господство Китая в регионе вполне может подтолкнуть успешно развивающиеся торговые страны Восточной Азии к ускоренной милитаризации. Демократизация может в этом случае создать угрозу единству китайского государства.

Современная культура глубоко противоречива, заключает автор. Рациональность в разных культурах означает разные вещи. Нужно понимать генезис новых ценностей, напряженностей между ними и наличными институтами. Следует сочетать абстрактные достижения социологической теории со знанием истории индивидуальных актов и вниманием к культурным прерыв-

ностям, если мы хотим, чтобы теория модернизации стала адекватной концепцией нашего времени и его генезиса.

Откликаясь на "провокативную" статью Г. Йоаса, Эдвард Тирикьян [4] согласился с тем, что война как социетальный феномен - самая недостаточно изученная проблема социологии. Обобщающая библиография социологических публикаций последних лет, на которую ссылается автор, за пять лет лишь трижды содержит это слово. Почему имеет место такое положение? Что мы теряем, не изучая связь войны с современностью? Какие данные о современности и переменных в обществе упущены вследствие такого положения? Тирикьян согласен с тем, что корни этого положения следует искать у мыслителей Просвещения. Приводит он ряд других аргументов: то, что модернизация привела к демократизации армий и ведения войн, что социология появилась в момент, когда в Европе наступила длительная полоса без войн, что марксизм обещал создание мира без войн, что классики социологии Дюркгейм, Спенсер, в частности, войне не уделяли внимания. "Лишь Питирим Сорокин уделил серьезное теоретическое внимание войне как черте социальных перемен, - не случайно он был критиком и марксизма и теории модернизации" (с. 477). По ходу суждений Тирикьяна, кризис заканчивающегося "чувственного периода" XX века делает возникновение войны и других передраг, вызванных человеком, столь же вероятным, как и в минувшие периоды истории.

Отдельно Тирикьян остановился на экзистенциальных, когнитивных (интеллектуальных) причинах такого положения. Латентная склонность уходить от изучения войн, как черты нашей модернизации, связана с либеральной ориентацией большей части социологов, считает он. Характерно, отмечает автор, что в "народной культуре", в частности, в пользующихся массовым успехом кинофильмах типа "Рэмбо", война нашла огромное внимание. В плане языка, которым мы пользуемся, слова *авангард*, *битва*, *война*, *кампания* и т.п. - вполне вошли в общий обиход. Проведено различие между социологией военной и социологией войны: первая довольно развита, вторая (изучающая человека, группы и т.д. в условиях военных, боевых действий) нет. Антропология, в отличие от социологии, войне и насилию уделяет за последние годы заметно большее внимание, отмечает американский социолог, ссылаясь на библиографические справочники.

Касаясь социологических характеристик войны в функциональном плане, автор выделил, прежде всего, легитимирующую функцию войн, когда они служат для мобилизации поддержки конкретного режима. Кроме того, войны внесли весьма серьезный вклад в технические изобретения и открытия: радар, сонар, атомная энергия и др., в создание продуктов, необходимых для ведения войн и др. Войны способствовали социальному продвижению расовых групп, расширяли возможности наемной занятости женщин, обеспечивали ветеранам войн доступ к получению высшего образования и др.

В развернутом виде автор представил читателям свой взгляд на "идеологическую модернизацию войны". За последние 200 лет, пишет он, значение войны серьезно изменилось: "демократический импульс сделал войну публичным, массовым событием, придав ей идеологическое значение" (с. 481). Идеологический мотив присутствует уже в войнах Кромвеля в Англии, в войне американских колоний против Британии, в наполеоновских войнах. В результате победители получали возможность навязывать побежденной стороне новый институциональный уклад. В начале XX века добавилось еще одно идеологическое измерение: война за "демократию". Вторая мировая война создала идеологический элемент всеобщей, массовой войны, выражением чего стали принципы Объединенных Наций. "Разрушительный марш Шермана на Атланту и Саванну почти за 100 лет до этого стал прообразом ковровых бомбардировок германских городов - Дрезден, атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки" (с. 483). Автор с иронией отмечает, что моральное возмущение американцев по поводу потопления немецкими подводными лодками океанского лайнера "Лузитания" выглядит двуличным на фоне молчания о жестокостях генерала Шермана по отношению к фажданскому населению. Задним числом удивляешься и тому, пишет он, не были ли ковровые и атомные бомбардировки, уничтожившие гражданское население, или использование НАТО кассетных бомб против Югославии в Косово, примерами "преступлений против человечества" (с. 488).

Автор выдвигает следующее положение: в наше время война вошла в разряд современных массовых социальных движений. "Современная функция войны - мобилизация и превращение современной войны в мощное социальное движение ради определенного морального дела" (с. 484). Автор ставит ряд проблем, которыми могли бы заняться социологи, например, методов, с помощью которых лидеры генерируют поддержку массами войн.

В заключение, выразив согласие с большинством положений статьи Г. Йоаса, Тирикьян отметил, что теория модернизации, какой она видится ему, не детерминирована и не монокаузаль-

на (однопричинна). Фактор случайности в социетальных переменных вполне реален. Этот фактор может быть внешним и внутренним, как и взаимодействием обоих, и при этом - в непредвидимой форме.

Он также обратил внимание, что в статье Йоаса не реализована вынесенная в заголовок задача рассмотрения проблем насилия. Кроме статистики потерь социологи не знают, что такое реальное насилие во время войны, когда одних делают героями, а других военными преступниками. Обратившись к диалектике модерна, Тирикьян напомнил, что война породила определенный контрпроцесс в форме борьбы за мир, может быть, как-то связанной корнями с Просвещением. "Кто может сказать, что это глобальное социальное движение, считавшееся некоторыми аналитиками на Западе орудием Советов, не сыграло решающей роли интернализированной ценности, вынудив Горбачева отозвать с улиц войска, готовые к жестким репрессиям против оппонентов, даже если это привело в итоге - без войны и человеческих жертв - к роковому развалу монолитной империи, построенной на идеологии и насилии?" (с. 486).

Сохранению возможности войны как социологической проблеме посвятил свой материал Я. Роксборо [5]. Либеральная мечта, производная от проекта Просвещения и заключающаяся в том, что модернизация общества приведет к исчезновению войны, не прошла проверку временем, пишет он. Правда, большинство исследователей-политологов поддерживают консенсус, что модернизированные общества, стабильная демократия делают маловероятными войны между странами, находящимися на такой стадии. Чем дальше проходят страны по дороге модернизации, тем менее вероятны войны между ними. Характерное для XX века насилие объясняется в таком контексте недостаточностью модернизации. В качестве примеров автор привел период холодной войны, когда Советский Союз и Китай считались антимодерными, угрожающими миру странами. Но что, если теории модернизации неверны, задает автор вопрос? (с. 493). К модерну не ведет одна, одинаковая для всех дорога; лежащие в основе теории модернизации веберовские понятия рациональности, ценностей, границ рациональности, аргументирует он, могут генерировать процессы, ведущие к войнам. Либеральная по своей сути теория модернизации содержит серьезные ошибки. Ссылаясь на труды западных политологов, Роксборо приводит их данные о том, сколь часто при принятии важнейших политических решений случаются ошибки, имеют место просчеты. "Современные общества могут использовать рациональность войны в качестве инструмента политики, они могут по ошибке или в результате неверного расчета оказаться в состоянии войны, или могут втянуться в состояние войны потому, что их когнитивные рамки приведут к неверному пониманию ими той ситуации, перед которой они стоят" (с. 497).

Может быть, для Западной Европы войны устарели, продолжает автор. Но войны в менее модернизированных частях мира могут втянуть развитый мир по крайней мере в некоторые из этих конфликтов. Обобщая сказанное, автор выделил три возможных пути втягивания развитых стран в конфликты: 1. Под угрозой оказываются интересы этих стран в менее развитых частях мира. 2. Возможны вмешательства, продиктованные ценностями, например, гуманитарными. 3. Региональные агрессоры могут втянуть в конфликт своих союзников из развитого мира. При этом могут иметь место как ошибки и просчеты, так и вполне рациональный выбор (с. 498). Таким образом, заключает автор, *модернити* - хрупкая вещь.

Теория модернизации верна, продолжает автор. Пока есть немодернизированные общества в мире, проект модернизации не завершен и войны возможны. Но не только. Теория модернизации верна частично. Хрупкость *модернити* очевидна. Это важный вывод из истории германского нацизма. Ограничения *модернити* в современно развитых частях мира говорят о том, что даже завершение проекта модернизации не означает конца войн. Поэтому социологи должны больше уделять внимание предмету войны, заключает Я. Роксборо (в одном из последних номеров журнала "International Sociology" появилась его развернутая статья на эту тему).

Подводит итог обсуждения проблемы Ханс Йоас в заметках, озаглавленных "Помни об угрозе новых ужасов войны" [6]. Он обратил внимание на то, что лишь в ретроспективе наше классическое социологическое наследие выглядит однородным. На деле оно складывалось в обстановке острых выступлений анти-либералов. Для понимания творчества Макса Вебера, в частности, эта грань забытого контекста того времени крайне важна, подчеркивает немецкий социолог. Повторив тезис о важности учета в теории модернизации эндогенных факторов (как и случайностей), он концентрируется на понятии функции, поскольку в ней видит стержень суждений Э. Тирикьяна. Йоас заявляет о своем скептицизме в отношении функционалистских и эволюционистских аспектов теории модернизации. Теоретик, придерживающийся функционалистского подхода и веры в эволюцию, пишет он, фактически обращается лишь к намерениям, оставляя в стороне реальность. Отсюда, по его мнению, проистекают невероятные расхожде-

ния между ожиданиями накануне войн и действительным их ходом, последствиями, появление в результате войны новых, непредвиденных до войны политических реалий.

Свою позицию Йоас не считает отрицанием теории модернизации и девальвацией нормативистских традиций, лежащих в ее основе. По его словам, он стремился сократить разрыв между этой теорией и историческим опытом XX в. "Именно потому, что я заинтересован в сохранении нормативистской традиции, - пишет он, имея в виду прежде всего нормы демократии, - важно выявлять и преодолевать эмпирические пробелы и недостатки теории модернизации, негативные последствия ее явных или латентных функционализма и эволюционизма" (с. 503). "Эдвард Тирикьян упомянул оптимистические представления социалистического рабочего движения в канун войны 1914 г.: пролетариат откажется вести войну между народами, - как и ошибочность этого представления. Я с ним согласен, но добавлю: не следует ли и нам выражать сомнения в связи с оптимистическими ожиданиями современной теории модернизации по поводу не-реальности войн между демократическими странами, прогресса в уменьшении внутреннего насилия в модернизированных обществах" (там же).

Обсуждаемые статьи появились в 1999-2001 гг., на грани веков. Но характерно: прошедшее после их публикации время только подняло актуальность этого обмена мнениями в журнале Международной социологической ассоциации. Об этом говорит опыт Югославии, Косово, Чечни, Ближнего Востока, 11 сентября, Ирака и др. В статье А. Аль-Азмеха приведены следующие слова из переписки Альберта Эйнштейна с Зигмундом Фрейдом в канун прихода гитлеровцев к власти в Германии: "*По моему жизненному опыту как раз скорее так называемая "интеллигенция" легче всего поддается роковым массовым манипуляциям, потому что она обычно не черпает непосредственно из источников пережитого, а считает удобным и всесторонним делать это по печатной продукции*" (А. Эйнштейн З. Фрейду, 30 июля 1932 г.) - *Warum Krieg!* Zurich, 1933.

Конечно, мы лишь сжато передали читателям нашего журнала некоторые узловые моменты обеих дискуссий. И все же: еще раз наше внимание привлечено к связи настоящего с прошлым и будущим. Замечание А. Эйнштейна особо значимо для социологов: наша наука не может быть сама собой, если перестает опираться *непосредственно на источники пережитого*, на реальные данные, на факты жизни. Войны, насилие, варварство, может быть, еще станут для России фактором большим, нежели кажущиеся эпизодами "антитеррористические" действия на юге страны. Социология, как бы ни относиться к отдельным ее теориям, может и должна предупреждать власти и общество о возможности роковых поворотов событий в любых регионах мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Al-Azmeh A. Civilization, Culture and the New Barbarians // Intern. Sociol. 2001, № 1, p. 75-93.*
2. *Varga I. To Live with Ambivalence, or Aren't we all Barbarians? A Response to Aziz Al-Azmeh // Intern. Sociol. 2001, № 1, p. 94-93.*
3. *Joas H. The Modernity of War. Modernization Theory and the Problem of Violence // Intern. Sociol. 1999, №4, p. 457^72.*
4. *Tiryakian E. War: The Covered Side of Modernity // Intern. Sociol. 1999, № 4, p. 473^489.*
5. *Roxborough I. The Persistence of War as a Sociological Problem // Intern. Sociol. 1999, № 4, p. 491-500.*
6. *Joas H. For Fear of New Horrors. A Reply to Edward Tiryakian and Ian Roxborough // Intern. Sociol. 1999, № 4, p. 501-503.*